

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКТОВ МОТ В ПРАКТИКЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В. А. Сафонов,

доцент кафедры трудового права и охраны труда
Санкт-Петербургского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент

В современных условиях развития интеграционных процессов в межгосударственных отношениях возрастает роль международных норм о труде, которые «с одной стороны, аккумулируют в себе синтезированный опыт различных правовых систем, содействуют его использованию, с другой стороны, они способствуют созданию единообразных норм и моделей в этих системах» [1, с. 37].

При формировании национального законодательства и в правоприменительной практике необходимо руководствоваться принципами, выработанными международным сообществом, учитывая при этом национальные, социальные, культурные особенности конкретного общества, реалии его экономического и политического развития, воплощенные в Конституции соответствующего государства. Поскольку именно Конституция представляет собой основополагающий документ, который воплощает идеалы развития общества и государства, и этим идеалам придает нормативно-правовое общеобязательное значение, конвенции Международной организации труда (МОТ) и другие международные договоры о труде в иерархии источников находятся по общему правилу на втором после Конституции месте и им отдается приоритет перед национальными законами [2, с. 52].

Стабильность конституционных положений не исключает их творческого развития, адаптирования к изменяющимся реалиям, что является задачей органов конституционного правосудия. В ходе конституционно-правового анализа конкретных законоположений и правоприменительной практики органы конституционного правосудия широко используют общепризнанные принципы и нормы международного права, положения которых выступают в качестве одного из аргументов в оценке проверяе-

мых норм как самих по себе, так и в толковании, которое прида-
ется им судебными органами.

В частности, Конституционный Суд Российской Федерации обращался в своих решениях к актам МОТ приблизительно в 150 случаях. Приведем несколько примеров.

Так, в постановлении от 4 февраля 1992 г. № 2П-3 [3] Конституционный Суд отметил, что положение п. 11 ст. 33 КЗоТ РСФСР, допускавшее расторжение трудового договора в связи с достижением пенсионного возраста при наличии права на получение полной пенсии по старости, противоречит обязательствам, принятым государствами, подписавшими и ратифицировавшими Конвенцию МОТ № 111 относительно дискриминации в области труда и занятости 1958 года, а именно ее ст. 2, согласно которой государства обязались проводить национальную политику, направленную на поощрение равенства возможностей в отношении труда и занятий с целью искоренения всякой дискриминации в этой области. Суд отметил, что согласно п. 2 ст. 1 указанной Конвенции дискриминацией не считаются только такие различия, исключения или предпочтения в области труда и занятий, которые основаны на специфических (квалификационных) требованиях, связанных с определенной работой. Увольнение по достижении пенсионного возраста не связано с такими требованиями и подпадает под признаки недопустимой согласно международно-правовым нормам дискриминации, которая в соответствии с пунктами «а» и «б» ст. 1 Конвенции № 111 определяется как любое различие, исключение или предпочтение, имеющее своим результатом ликвидацию либо нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий. При аргументации решения о признании несоответствующим Конституции обыкновения правоприменительной практики расторжения трудового договора по достижении работником пенсионного возраста при наличии права на получение полной пенсии по старости использовались также положения рекомендаций МОТ № 162 о пожилых трудящихся 1980 года и № 166 о прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя 1982 года.

В то же время положения п. 2 ст. 1 Конвенции МОТ № 111 использовались для оценки специальных норм, обусловленных специфическими (квалификационными) требованиями, связан-

ными с определенной работой, как не противоречащих требованиям Конституции РФ. Так, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что специальные нормы, которые регулируют служебные отношения лиц, замещающих должности государственной службы, могут отличаться от норм, регламентирующих отношения, возникающие в процессе реализации права на свободное распоряжение своими способностями к труду в иных формах (в частности, путем заключения трудового договора). Это не может рассматриваться как нарушение конституционного принципа равенства, который не препятствует законодателю при осуществлении специального правового регулирования труда (прохождения службы) устанавливать различия в правовом статусе лиц, принадлежащих к разным по условиям и роду деятельности категориям, если эти различия являются объективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно значимым целям (например, постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 г. № 7-П [4], от 30 июня 2011 г. № 14-П [5], определение Конституционного Суда Российской Федерации от 3 октября 2002 г. № 233-О [6]).

Статьи 2 и 3 Конвенции МОТ № 87 относительно свободы ассоциаций и защиты права на организацию, посвященные праву организаций работников вырабатывать свои уставы и административные регламенты, свободно выбирать своих представителей, организовывать свой аппарат и свою деятельность и формулировать свою программу действий, использованы, в частности, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 октября 2013 г. № 22-П [7], которым положения абзацев первого – восьмого ст. 3 Федерального Закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – рассматривались как устанавливающие закрытый (исчерпывающий) перечень видов профсоюзных организаций и их структурных подразделений и тем самым не позволяющие профсоюзам самостоятельно, исходя из стоящих перед ними целей и задач, определять свою внутреннюю (организационную) структуру, в том числе создавать профсоюзные организации и структурные подразделения профсоюзных организаций, не упомянутые в данном Законе. При этом

Конституционный Суд РФ, основываясь на нормах Конституции РФ о праве каждого на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов, и свободе деятельности общественных объединений (ч. 1 ст. 30), указал, что правомочие профсоюзов самостоятельно определять свою организационную структуру обусловлено самой правовой природой и статусом профсоюзов как общественных объединений. Создание тех или иных структурных подразделений профсоюза в значительной степени обусловлено структурой организации-работодателя, подчинено общей цели оптимизации сотрудничества социальных партнеров и связано с решением задач, возложенных на профсоюз, представляющий и защищающий социально-трудовые права и интересы своих членов в системе социального партнерства.

Таким образом, акты МОТ посредством их использования в практике органов конституционного правосудия становятся не только источниками правового регулирования, но и частью конституционного правопорядка соответствующей страны.

Список использованных источников

1. Иванов, С. А. Трудовое право переходного периода: проблемы использования зарубежного опыта / С. А. Иванов // Государство и право. – 1995. – № 3. – С. 30–39.
2. Иванов, С. А. Трудовое право переходного периода: новые источники / С. А. Иванов // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 43–53.
3. По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 11 статьи 33 КЗоТ РСФСР : постановление Конституц. Суда РСФСР, 4 февр. 1992 г., № 2П-3 // Ведомости СНД и ВС Рос. Федерации. – 1992. – № 13. – Ст. 669.
4. По делу о проверке конституционности абзаца 2 части седьмой статьи 19 Закона РСФСР от 18 апр. 1991 г. «О милиции» в связи с жалобой гражданина В. М. Минакова : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 6 июня 1995 г., № 7-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 24. – Ст. 2342.
5. По делу о проверке конституционности положений пункта 10 части 1 статьи 17 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и статьи 201 Закона Российской Федерации «О милиции» в связи с жалобами граждан Л. Н. Кондратьевой и А. Н. Мумолина : постановление Конституц. Суда Росс. Федерации, 30 июня 2011 г., № 14-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 28. – Ст. 4261.

6. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статьи 25 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации», статьи 43 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», статьи 14 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» и статьи 201 Федерального закона «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 3 окт. 2002 г., № 233-О // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 12. – Ст. 1174.

7. По делу о проверке конституционности абзацев первого – восьмого ст. 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с жалобами Общероссийского профессионального союза работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства и Общероссийского профессионального союза работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 24 окт. 2013 г., № 22-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 44. – Ст. 5796.